

Нормальный способ стрѣльбы артилеріи въ бою.

In der Wirklichkeit kommt es nicht darauf an, dass man über irgen dein Thema eine gute Abhandlung zu liefern vermag, sondern dass man in einem gegebenem Falle zweckmässig zu handeln versteht.

Verdi du Vernois.

Изь широкаго опыта послѣдней нашей кампаніи, какъ у насъ, такъ и въ другихъ арміяхъ, пришли къ выводамъ, что стрѣльба артилеріи черезъ головы своихъ войскъ является способомъ стрѣльбы нормальнымъ. Въ иностранныхъ арміяхъ этотъ способъ стрѣльбы указанъ въ наставленіяхъ въ категорической формѣ. Въ нашемъ «Наставленіи для дѣйствія въ бою отрядовъ изъ всѣхъ родовъ войскъ» 1904 г. § 48-й гласитъ: «Артилеріи слѣдуетъ избѣгать стрѣльбы черезъ головы своихъ; но если разстояніе до непріятеля таково, что по крутизнѣ траекторіи случайности маловѣроятны, а стрѣльбой можно дѣйствительно помочь достиженію цѣли, то можно стрѣлять черезъ головы своихъ».

Какъ видимъ, указанія, данныя нашимъ «Наставленіемъ для стрѣльбы артилеріи въ бою», не согласуются съ выводами, почерпнутыми изъ опыта войны. Казалось бы измѣнить этотъ § Наставленія согласно опыту войны и дѣлу конецъ. Оказывается, что это не такъ просто, какъ кажется.

Въ статьѣ «Артилерійскія письма»¹⁾ г. Е. Смысловскій выступаетъ въ защиту этого §, являясь убѣжденнымъ противникомъ стрѣльбы черезъ головы своихъ и допуская ее лишь какъ исключеніе.

Авторъ говоритъ, что «угрожающіе» своими выстрѣлами и «угрожаемая» свои войска единодушно требуютъ, чтобы стрѣльба черезъ головы своихъ регламентировалась уставомъ, какъ «нормальный» способъ стрѣльбы артилеріи въ бою; что основаніемъ для этого требованія сторонники стрѣльбы черезъ головы своихъ выставляютъ нижеслѣдующіе доводы: 1) «строгая законѣрность полета артилерійскихъ снарядовъ»; 2) «надежность современныхъ способовъ наводки» (?); 3) «примѣръ наставленій иностранныхъ государствъ» и 4) «наконецъ, обширный опытъ недавно минувшей войны». Въ приведенныхъ доводахъ усматривается недочетъ: или авторъ упустилъ указать болѣе важные доводы, или же сторонники стрѣльбы черезъ головы своихъ не высказали ихъ. О пропущенныхъ доводахъ скажу ниже. Здѣсь же обращаю вниманіе читателей на послѣдній изъ вышеприведенныхъ доводовъ, а именно: *на обширный опытъ недавно минувшей войны*, который авторъ также признаетъ неубѣдительнымъ.

Неужели этого одного довода недостаточно, чтобы прійти къ безповоротному убѣжденію, что предлагаемый способъ стрѣльбы черезъ головы своихъ является дѣйствительно нормальнымъ? На чемъ же мы учимся искусству веденія войны, ежели не на опытахъ ея? И могутъ-ли какія бы то ни было теоретическія разсужденія опровергнуть практику-дѣйствительность?

Безусловно теорія и практика во всякомъ дѣлѣ должны идти рука объ руку, какъ взаимно дополняющія другъ друга, ибо теорія даетъ намъ знаніе, практика же—опытъ въ примѣненіи этихъ знаній на дѣлѣ, т. е. умѣніе. Сама жизнь намъ наглядно показываетъ, что теорія, основанная на опытѣ, примѣнима на дѣлѣ съ гарантіей на успѣхъ. Всякая теорія безъ сказаннаго условія поведетъ къ отрицательнымъ послѣдствіямъ—къ поражению. Что это такъ, для этого стоитъ вспомнить Пфуля. Войны бывають нечасто. Меня спросятъ, гдѣ можно пріобрѣсти опытъ-умѣніе? На этотъ вопросъ отвѣчу: тщательно изучая военную исторію, въ которой изложены данныя чужого опыта.

Если бы мы воспользовались чужимъ опытомъ, намъ бы не пришлось въ послѣднюю нашу кампанію учиться тактикѣ арти-

¹⁾ «Военный Сборникъ» 1911 г., № 2.

леріи во время самой войны, доходить горькимъ опытомъ до вывода, что стрѣльба черезъ головы своихъ не исключеніе, а нормальный способъ. Этотъ способъ стрѣльбы не новость, нами придуманная. Необходимость его сознавалась съ введенія нарѣзного орудія, т. е. съ перенесеніемъ картечнаго дѣйствія артилеріи на дальнія дистанціи. Пруссаки, въ кампанію 70-го года, этотъ способъ примѣняли вполне сознательно; но вынуждены были отъ него отказаться въ силу того, что, по неудовлетворительности устройства снарядовъ и трубокъ того времени, били своихъ.

Мы же, когда перевооружились скорострѣльными пушками, снабженными идеальными снарядами и трубками (русскаго производства), обеспечивающими въ извѣстныхъ предѣлахъ дистанціи безопасность своихъ войскъ, могли еще до войны смѣло признать стрѣльбу черезъ головы своихъ за «нормальный» способъ. И отъ этого рѣшенія, взятаго изъ опыта Франко-Прусской войны, остались бы только въ выигрышѣ.

Отвергать же способъ, добытый уже собственной кровью, исходя изъ чисто теоретическихъ разсужденій, нахожу по меньшей мѣрѣ неосторожнымъ. Иностранцы не пренебрегли опытомъ нашей кампаніи. Они использовали его во всю и многое ввели у себя.

Что стрѣльба черезъ головы своихъ есть способъ нормальный въ бою, въ этомъ двухъ мнѣній быть не можетъ. И это потому, что только этотъ способъ стрѣльбы даетъ возможность *во всѣхъ случаяхъ успѣшно использовать могущество огня артилеріи*, такъ какъ только онъ обеспечиваетъ возможно большій раіонъ для выбора артилерійскихъ позицій, *соотвѣтствующихъ задачъ въ широкомъ смыслѣ*; обеспечиваетъ успѣшный маневръ какъ самой артилеріи, такъ и маневръ ея огня; гарантируетъ поддержку пѣхотѣ во всѣхъ фазисахъ боя и отраженіе всякихъ случайностей; и наконецъ не стѣсняетъ маневра пѣхоты на всемъ фронтѣ боевого ея участка, а это послѣднее обстоятельство помогаетъ рѣшенію пѣхотою ея боевой задачи. Вотъ главный доводъ, почему стрѣльба черезъ головы своихъ есть нормальный способъ стрѣльбы въ бою.

Въ доказательство своего взгляда, что стрѣльба черезъ головы своихъ есть явленіе ненормальное, а лишь исключительное, г. Е. Смысловскій говоритъ: «Но какъ только начинается примѣненіе этого «нормальнаго» способа стрѣльбы къ жизни—является цѣлый рядъ ограниченій, особыхъ для мирнаго времени и особыхъ для боя». Эти ограниченія заключаются: 1) въ томъ, что батареи не могутъ располагаться позади другихъ войскъ ближе 300 сажень;

2) кромѣ того предъявляется артилеріи требованіе, чтобы ея снаряды пролетали надъ головами не ближе 5 саж., и 3) что артилерія вынуждена прекратить (?) огонь, когда войска приблизятся къ атакующему пункту на такую дистанцію, что становится возможнымъ нанести имъ пораженіе своими выстрѣлами; что дистанція эта при самой идеальной пристрѣлкѣ должна быть не менѣе 80 саж., а при болѣе осторожныхъ расчетахъ достигаетъ 125 саж. Французы и нѣмцы считаютъ её въ 200 саж.

Со своей стороны прибавлю, что, если эта дистанція должна быть при идеальной пристрѣлкѣ въ 125 саж., то на практикѣ въ бою придется ее увеличить въ 2 раза, т. е. опредѣлить въ 250 саж., такъ какъ бой требуетъ перехода на пораженіе послѣ захвата цѣли въ грубую вилку, обстрѣливая площадь. Кромѣ того, благодаря извѣстнымъ свойствамъ нашей пушки, эта дистанція для нея должна быть больше, чѣмъ для французской; значить и этимъ обстоятельствомъ подтверждается правильность указанной мною дистанціи въ 250 саж.

Далѣе въ статьѣ говорится: «Но если бы даже и опредѣлить всё эти нормы въ строжайшемъ соотвѣтствіи съ принятымъ образцомъ, вводить ихъ въ уставъ не слѣдуетъ, такъ какъ всё онѣ въ значительной мѣрѣ основаны на недоразумѣніяхъ и предразсудкахъ».

«Меня напримѣръ», пишетъ онъ далѣе, «весьма мало смущаютъ данныя Офицерской артилерійской школы относительно расположенія батарей позади другихъ войскъ (до 400 саж.)... Въдѣ никто не задумается поставить свои войска чуть ли не подъ самымъ дуломъ орудій, если онѣ стоятъ на обрывѣ, сажени въ 2 высоту, или ведутъ стрѣльбу на 4 версты и т. д.»

Замѣчу, что никто не задумается стрѣлять при данномъ прицѣлѣ и при подходѣ своихъ войскъ къ цѣли до 80 саж., если только окажется возможнымъ наблюдать, что бьешь врага, а не своихъ, не взирая на регламентацію дистанціи въ 250 саж.

И это потому, что въ уставахъ указываются лишь общія нормы, вытекающія изъ свойствъ оружія, и при нормальныхъ обстоятельствахъ, а не при исключительныхъ.

Для искуснаго веденія боя недостаточно знать нормы, указанные въ уставѣ, а необходимо умѣть ихъ цѣлесообразно примѣнять при всякихъ условіяхъ обстановки.

Уставъ даетъ канву, предоставляя исполнителю вышивать по ней узоры по своей способности.

Такимъ образомъ и въ данномъ случаѣ не приходится опасаться введенія нормъ. Эти нормы характеризуютъ свойство орудія; показываютъ, какихъ результатовъ можно достигнуть при болѣе или менѣе нормальныхъ условіяхъ мѣстности, встрѣчающихся на поляхъ сраженій.

Макиавелли дѣлилъ людей, по ихъ способностямъ, на 3 категоріи: къ 1-ой причислялъ такихъ, которые сами видятъ и понимаютъ; ко 2-ой—которымъ надо указать и тогда они понимаютъ, и къ 3-ей—которымъ если и укажутъ, то они все же не понимаютъ. Достаточно признать это подраздѣленіе, чтобы прийти къ заключенію, что нормы необходимы и въ особенности для 3-й категоріи. Эта категорія людей, дѣйствуя слѣпо, придерживаясь нормъ, хотя не всегда принесетъ пользу, но и не нанесетъ непоправимаго вреда своимъ.

Повторяю, что къ необходимости построенія такого боевого порядка, при которомъ артилерія стрѣляетъ черезъ головы своихъ, начиная отъ завязки боя и до окончательнаго его рѣшенія, мы пришли собственнымъ боевымъ опытомъ. Иностранная армія ввела его у себя, воспользовавшись нашимъ опытомъ. Этотъ строй принять, какъ единственный, наилучшимъ образомъ отвѣчающій современному вооруженію.

Но и онъ имѣетъ свои недостатки, а именно: при несоблюденіи нѣкоторыхъ условій, зависящихъ отъ свойствъ оружія, является опасность бить своихъ. Чтобы избѣжать подобнаго печальнаго случая, у насъ желаютъ ввести, а въ иностранныхъ арміяхъ уже введены, нормы, гарантирующія отъ него войска.

Въ виду вышеизложеннаго, нельзя признать правильнымъ заявленіе г. Е. Смысловскаго, что указанныя нормы, выработанныя войной, основаны на «недоразумѣніяхъ» и «предразсудкахъ». Держась такого взгляда, пришлось бы прийти къ выводу, что вся «военная исторія», на которой зиждется все военное искусство, есть только предразсудокъ—прихоть досужихъ людей.

Невѣрно и не знаю на чемъ основано мнѣніе автора, что артилерія при подходѣ нашихъ войскъ къ цѣли на указанную норму должна прекратить свой огонь.

Приводимыя нормы (онѣ одинаковы для всѣхъ дистанцій) служатъ не для указанія времени прекращенія огня, а для указанія безопасной сферы дѣйствія всѣхъ родовъ войскъ: артилеріи для стрѣльбы, а другимъ родамъ войскъ для маневрированія на полѣ

сраженія, между своей артилеріей и противникомъ. Для артилериста эта норма служить указаніемъ отнюдь не для прекращенія огня, а лишь предупрежденіемъ. Получивъ предостереженіе, онъ обязанъ усилить свое наблюденіе. Приэтомъ стрѣльбу онъ производитъ при прежнемъ прицѣлѣ до тѣхъ поръ, покуда наблюденія (собственные и высланныхъ впередъ наблюдателей) гарантируютъ безопасность своихъ. Въ противномъ случаѣ, не прекращая стрѣльбы, переносятъ свой огонь впередъ скачками въ 2—3 и болѣе дѣленій, въ зависимости отъ обстоятельствъ, и наконецъ обстрѣливаетъ тылъ атакующей позиціи, поражая войска противника, подходящія на выручку своимъ. Кромѣ того, атакующей пѣхотѣ помогутъ сосѣднія батареи, для косопріцѣльныхъ выстрѣловъ которыхъ эта норма значительно меньше.

Съ цѣлью достигнуть содѣйствія сосѣднихъ батарей всѣ вообще батареи должны быть поставлены такъ, чтобы имѣть возможность принять участіе въ рѣшеніи *общей боевой задачи*, а не одной частной атаки какого нибудь опорнаго пункта.

Какъ видимъ, опасеніе, что пѣхота наша будетъ разстрѣливаться при постоянномъ прицѣлѣ безнаказанно, является слишкомъ преувеличеннымъ и неотвѣчающимъ дѣйствительности.

Поэтому и не приходится удивляться тому, что въ минувшую кампанію, при вышеизложенныхъ условіяхъ стрѣльбы, артилерія *«стрѣляла»* все время атаки, а ходившіе въ атаку «просили и просить» стрѣлять, не прекращая огня.

Обращаетъ на себя вниманіе и нижеслѣдующій выводъ автора изъ опыта Русско-Японской войны:

«...Въ той же статьѣ онъ ²⁾ возстаётъ и противъ величины «медицинскаго запаса» въ 5 саж., на которомъ снаряды должны пролетать надъ головами, чтобы не контузятъ человѣка, и требуетъ производства специальныхъ опытовъ для выясненія его величины».

«Напрягая свою память, я припоминаю, какъ еще на школьной скамьѣ слышалъ отъ моего незабвеннаго учителя Л. Л. Кирпичева о томъ, что *идь-то* и *когда-то* ³⁾ подобные уже опыты были произведены. *Не поручусь, что дополняю свой рассказъ моей фантазіей, но рѣчь, насколько помню, шла о глухой лошади, поставленной ѣсть овесъ, мимо которой стрѣляли, направляя снаряды все ближе и ближе къ ея тѣлу. И даже послѣ послѣдняго выстрѣла, который прошелъ настолько близко, что пригладилъ нѣсколько шерсть, лошадь невозмутимо продолжала ѣсть овесъ».*

²⁾ Баронъ И. Майдель. ³⁾ Курсы всѣ мои.

«Но зачѣмъ питаться фантазіями, или производить какіе-либо новые единичные эксперименты, когда, по мнѣнію самого же барона И. Майделя, *обширные опыты* Русско-Японской войны, съ *неопровержимой очевидностью*, показываютъ, что пролетъ и разрывъ снаряда вблизи отъ человѣка поврежденій ему не дѣлаютъ. Ясно, что опасно только прохожденіе снаряда въ непосредственной близости, т. е. почти при прикосновеніи къ человѣку» (?)

Что дѣло съ «медицинскимъ запасомъ» не такъ ясно, какъ стремится убѣдить авторъ, приведу примѣръ, имѣвшій мѣсто не «гдѣ-то» и «когда-то», а подъ Плевной, въ редутѣ «Старинкевичъ» ⁴⁾. Тамъ былъ принятъ такой порядокъ: стрѣлки, становясь по фасу редута, клали свои винтовки противъ себя на брустверъ, гдѣ и оставляли, когда уходили изъ редута во время артилерійскаго боя. Этотъ фасъ турки обстрѣливали *продольно*. Много дней турки стрѣляли и все проходило благополучно. Въ одинъ прекрасный день надъ фасомъ пролетѣлъ снарядъ (какъ и многіе другіе) и разорвался за редутомъ. Въ моментъ пролета снаряда надъ фасомъ поднялась весьма незначительная пыль. Никому и въ голову не пришло бы поднятіе этой пыли приписать снаряду, ежели бы на лицо не оказалось опустошительнаго его дѣйствія: примѣрно у 40 ружей стволы оказались настолько согнутыми, что всѣ пришлось забраковать. Попорченными оказались среднія, а не крайнія по склону траекторіи. При осмотрѣ, ружья оказались на своихъ мѣстахъ, поврежденные стволы безъ царапинъ и поверхность бруствера не тронуты.

Достаточно и приведеннаго примѣра, чтобы убѣдиться, что «медицинскій запасъ» не такъ ничтоженъ, какъ его авторъ опредѣляетъ изъ опыта надъ глухой лошадию. Не представляютъ неопровержимой очевидности въ этомъ отношеніи и обширные опыты Русско-Японской войны. Чтобы въ этомъ убѣдиться, стоитъ только задать себѣ вопросы: кто наблюдалъ за полетами снарядовъ въ этомъ отношеніи? Кто и какимъ приборомъ измѣрялъ разстояніе между снарядомъ, нанесшимъ контузію, и контуженнымъ? Во всякомъ случаѣ, не самъ контуженный!

Указать, на какомъ разстояніи и *при какихъ условіяхъ* снарядъ наноситъ контузію, не берусь, такъ какъ въ этомъ дѣлѣ некомпетентенъ. Да для меня этотъ вопросъ, вообще, и не представляетъ большого интереса, потому что при принятыхъ и основанныхъ

⁴⁾ Этотъ редутъ занималъ теперешній л.-гв. С.-Петербургскій полкъ.

на *опытахъ войны* «нормальныхъ дистанціяхъ», обезпечивающихъ, при стрѣльбѣ черезъ головы, безопасность своихъ войскъ, онъ самъ собой исключается, такъ какъ онѣ удовлетворяютъ требованію пролета снаряда надъ человѣкомъ на высотѣ 5-ти сажень, можетъ быть высотѣ и преувеличенной, но покуда принятой всѣми за нормальную.

Остановился же я на этомъ вопросѣ съ цѣлью указать на ту непоследовательность, съ какою авторъ относится къ боевому опыту: съ одной стороны нормы (въ 300 саж. отъ дула и 250 саж. отъ цѣли), выработанныя на основаніяхъ требованій боя и примѣнявшіяся на дѣлѣ, какъ гарантирующія наилучшій способъ использования артилерійскаго огня и безопасность своихъ войскъ, онъ признаетъ недоразумѣніемъ и предрасудкомъ; съ другой стороны, неподдающийся никакому наблюденію и расчету опытъ, относительно «медицинскаго запаса», находитъ неопровержимымъ. И на основаніи этого доводитъ его почти до нуля.

Такое обращеніе съ фактами можно объяснить лишь однимъ, а именно: желаніемъ автора проводимую имъ теорію для атаки опорнаго пункта сдѣлать неопровержимой во чтобы то ни стало.

Какъ основаніе правильности своей теоріи, авторъ предлагаетъ вниманію читателей 4 чертежика, изъ которыхъ наглядно видно, что, при стрѣльбѣ на горизонтальной мѣстности и ⁶⁾ при условіи *высоты цѣли около сажени (?)*, такъ, что самыя нижніе снаряды пролетаютъ у начала пораженія надъ войсками, хотя и близко (?), но не касаясь ихъ головъ, поражаемая пространства будутъ:

Дистанціи стрѣльбы.	Поражаемое пространство.
500 саж.	140 саж.
1,000 "	100 "
1,500 "	90 "
2,000 "	80 "

При условіи же, если мѣстность имѣетъ уклонъ къ батарее только 5°, поражаемое пространство на всѣхъ дистанціяхъ меньше предыдущаго:

Дистанція стрѣльбы.	Поражаемое пространство.
500 саж.	25 саж.
1,000 "	45 "
1,500 "	55 "
2,000 "	65 "

Не спору, что эти данныя интересны, какъ рисующія, отчасти, свойства нашего орудія. Но на практикѣ воспользоваться этими

⁶⁾ Куренья мои.

данными отказался бы и «Вильгельмъ Тель» ⁶⁾. Тѣмъ болѣе откажутся отъ нихъ артиллеристы, которымъ до такой виртуозности никогда не дойти по совершенно понятнымъ причинамъ. Обращаю вниманіе читателя на тѣ кропотливыя математическія выкладки для стрѣльбы съ вышеприведенными поражаемыми пространствами: тутъ нужна идеальная пристрѣлка (это дистанція въ 500 саж. въ самый сильный разгаръ боя!), каковую дѣйствительность вообще, а тѣмъ болѣе боевая, не допускаетъ даже и на большихъ дистанціяхъ, (тѣмъ болѣе она трудна на дистанціи въ 500); и цѣль въ сажень и уклонъ мѣстности въ желаемую сторону; и уклонъ въ 5°; и чтобы снаряды проходили близко, но не касались головы (?)...

Ну, а если ошибиться такъ, что принять цѣль въ сажень, а на дѣлѣ она будетъ меньше на нѣсколько вершковъ; или принять наклонъ въ 5°, а на дѣлѣ онъ будетъ 4° 30'? Тогда что будетъ? А будетъ то, что весь зарядъ будетъ всаженъ своимъ въ затылокъ и въ результатѣ: наша атака отбита съ громадными потерями.

За такую артилерійскую поддержку, до самаго момента столкновенія, пѣхота поблагодарить и попросить артилерію не утруждать себя.

Кромѣ того, замѣчу, что авторъ, выбравъ дистанцію въ 500 саж., какъ наилучшую для поддержки артилеріей атаки опорнаго пункта, при условіи уклона мѣстности въ 5° къ батарее, упустилъ изъ виду дульную норму въ 300 саж., обезпечивающую безопасность своихъ. Вѣдь должна же пѣхота пройти эти 300 саж.; вѣдь не передъ всякимъ же опорнымъ пунктомъ будутъ обрывы, превышающіе мѣстность въ 2 саж., на которые можно было бы ставить батареи!

Наконецъ, исходя изъ вышеизложенныхъ расчетовъ и соображеній, авторъ предлагаетъ вниманію слѣдующіе свои выводы для дѣйствія артилеріи при *атакѣ опорнаго пункта*. Эти выводы слѣдующіе: а) «атаку опорнаго пункта слѣдуетъ производить *съ той стороны, съ которой мѣстность*, непосредственно отъ него понижается *наиболѣе значительно* ⁷⁾, дабы артилерія могла оказать содѣйствіе своимъ огнемъ до послѣдняго момента».

Изъ приведеннаго вывода видно слѣдующее: чтобы найти отвѣчающую всѣмъ условіямъ сторону облюбованнаго для атаки опорнаго пункта, необходимо его тщательно обрекогносцировать со многихъ сторонъ; чтобы получить данныя для вычисленій, рекогносцировку необходимо произвести съ такихъ близкихъ разстояній,

⁶⁾ Въ заключительномъ своемъ словѣ авторъ требуетъ отъ артиллеристовъ стрѣльбы, подобной стрѣльбѣ «Вильгельма Теля». ⁷⁾ Куренья мой.

до которыхъ рекогносцирующей не въ силахъ будетъ дойти — его недопустить противникъ. Кромѣ того, мѣстность такъ причудлива въ своей конфигураціи, что врядъ-ли удастся найти такой участокъ ея для батареи, который полностью удовлетворялъ бы предъявленнымъ требованіямъ. Что дѣлать тогда, если не найти такой стороны? Что дѣлать, ежели опорный пунктъ будетъ въ котловинкѣ, или на сѣдловинкѣ, или, наконецъ, на противоположномъ склонѣ? Вѣдь и противникъ, при выборѣ позиціи считается съ обстановкой, а не съ однимъ только своимъ желаніемъ.

Я уже указывалъ, что атакуется вся позиція, а не только излюбленный пунктъ. Принявъ это во вниманіе и допустивъ даже, что желанная «сторона» будетъ найдена, все-таки не придется ея воспользоваться, ежели она не будетъ отвѣчать плану общей атаки всего отряда.

Выводъ б): «Для поддержанія атаки пѣхоты, артилерія *должна стараться* занять позицію возможно ближе къ атакуемому пункту, *въ направленіи наибольшаго* отъ него уклона мѣстности, *при условіи*, чтобы эта позиція, по возможности, была *ниже горизонта цѣли*».

Всякій, кто потрудится представить себѣ ходъ боя передъ штурмомъ, пойметъ непримѣнимость всѣхъ предъявляемыхъ условій на практикѣ. Поэтому не буду останавливаться на ихъ разборѣ. Скажу лишь, что, при назрѣваніи момента атаки, всѣ преимущества, какъ для маневра, такъ и въ частности для занятія позицій, должны принадлежать пѣхотѣ, какъ вершительницѣ судьбы боя. Исходя изъ этого, нельзя согласиться, чтобы артилерія занимала позиціи по своему лишь усмотрѣнію. Дѣло артилеріи занять позиціи тамъ, гдѣ прежде всего, она не помѣшаетъ работѣ пѣхоты и откуда она наилучшимъ образомъ поможетъ пѣхотѣ какъ при атакѣ, такъ и при всевозможныхъ случайностяхъ боя.

Выводъ в): «*Послѣ точной пристрѣлки*, стрѣльба сначала ведется шрапнелью, наблюдая, чтобы *пыль*, поднимаемая *пулями*, была *всегда* впереди своихъ войскъ, а *всѣ* разрывы выше головъ».

По мѣрѣ приближенія войскъ, трубка удлиняется и, *когда число клевковъ достигнетъ половины* ⁵⁾, переходятъ къ стрѣльбѣ гранатой ⁶⁾.

Постепенно прицѣлъ увеличивается *съ такимъ расчетомъ* (?!), чтобы *самые нижніе* снаряды *попадали въ гребень* закрытія (?!).

⁵⁾ Всѣ курсивы мои. ⁶⁾ Какъ же быть съ опасностью для стрѣляющаго при стрѣльбѣ гранатой, о которой авторъ упоминаетъ, въ такой рѣшительный моментъ?

Въ моментъ столкновенія съ противникомъ траекторію слѣдуетъ поднять надъ гребнемъ и, *смотря по обстановкѣ* (?!), перейти на шрапнель, увеличивъ соотвѣтственно трубку. Огонь продолжается до исхода боя».

Свѣжо преданіе, но вѣрится съ трудомъ!

На близкихъ дистанціяхъ, когда противникъ засыпаетъ ружейными и шрапнельными пулями, когда дымомъ отъ шрапнелей застилаются глаза и затрудняется дыханіе, когда мы сами дымомъ своихъ шрапнелей застилаемъ цѣль, не угодно ли батареей произвести такое громадное количество манипуляцій, да притомъ съ такой математической точностью: пристрѣляться такъ, чтобы самые нижніе снаряды попадали въ гребень закрытія, чтобы самые нижніе снаряды проходили на такой высотѣ надъ головами, дабы только не задѣть ихъ; сосчитать, что именно половина, а не больше и не меньше, снарядовъ клюетъ; наблюдать по пыли, что пули ложатся впереди нашихъ войскъ и именно отъ нижнихъ снарядовъ и т. д.!

Но вотъ вопросъ: какими данными пользоваться для пристрѣлки, чтобы достигнуть желаемаго направленія *самыхъ* нижнихъ снарядовъ? Какъ отличить по пыли, что она поднимается нашими шрапнельными пулями *самыхъ* нижнихъ снарядовъ, а не пулями нашей пѣхоты и таковыми противника? И какъ вести стрѣльбу по данному рецепту, когда мѣстность не даетъ пыли или въ дождь? Отмѣчу и то обстоятельство, что командиръ батареи стрѣляетъ изъ 8 орудій, обстрѣливающихся фронтъ въ 120 и болѣе саженой, что пѣхота, идущая въ атаку, не выравнивается въ струнку; одни эти обстоятельства доказываютъ, насколько невыполнимы предписываемыя требованія.

Возьмемъ теперь элементъ времени. На дистанціи въ 500 саж. поражаемое пространство 25 саж., на 1,000 саж. пораж. пространство 55 саж. Вѣдь это предѣлы, съ которыхъ пѣхота *бросается* въ штыки! Спрашивается, сколько времени ей понадобится, чтобы пробѣжать хотя бы 55 саж. (165 ш.)? Весьма немного. Если даже допустить, что она пойдетъ шагомъ и то потребуетъ не больше $1\frac{1}{4}$ мин. Въ эту $1\frac{1}{4}$ мин. (время преувеличено) авторъ рекомендуетъ произвести стрѣльбу шрапнелью при нормальной трубкѣ; за симъ еѣ удлинить до полученія $\frac{1}{2}$ клевковъ; перейти на гранату, которую пристрѣлять такъ, чтобы самые нижніе снаряды попадали въ гребень...

Каждому понятно, что выполнить такую задачу невыполнимо. А потому тотъ, кто возьмется провести подобную стрѣльбу, принесетъ своей пѣхотѣ не пользу, а вредъ.

Далѣ авторъ заявляетъ, что «близкая дистанція стрѣльбы влечетъ несомнѣнныя выгоды: обезпечиваетъ наблюденіе за дѣйствіями противника и своихъ войскъ ... непосредственная прямая наводка по близкимъ предметамъ въ значительной мѣрѣ гарантируетъ отъ несчастныхъ случаевъ, неподдающихся никакому расчету, такъ какъ наводчики (особенно при панорамныхъ прицѣлахъ (?)) сами различать своихъ отъ чужихъ и т. д.».

Конечно никто не будетъ отрицать выгодъ близкой дистанціи при ея цѣлесообразности. Но признать её за наилучшую для наблюденія за дѣйствіемъ противника и своихъ войскъ будетъ не вполне вѣрно. Чѣмъ дистанція меньше, тѣмъ кругозоръ наблюдателя ограниченнѣе; и, въ особенности, если онъ находится въ низинѣ; при этомъ послѣднемъ условіи его наблюденія ограничатся только тѣмъ, что строго передъ нимъ; а все это не отвѣчаетъ требованіямъ боя.

Но дѣло не въ томъ, каковы наблюденія, а въ томъ, что командиръ батареи опредѣляетъ дистанцію для своей батареи не по своему усмотрѣнію, а лишь руководствуясь условіями обстановки даннаго момента боя.

Указаніе, что непосредственная прямая наводка по близкимъ предметамъ *въ значительной мѣрѣ* гарантируетъ отъ несчастныхъ случаевъ, нельзя признать обоснованнымъ вотъ почему: 1) стрѣляетъ командиръ батареи, а не наводчики; слѣдовательно прицѣлъ командуетъ командиръ; а наводчики, чтобы они тамъ ни видѣли, обязаны принять его къ исполненію; 2) я уже указывалъ, что въ атаку идутъ, не выравнявшись въ струнку, а линіей весьма ломаной. Допустимъ теперь, что одинъ, два, три наводчика замѣтили (въ панорамный прицѣлъ), что противъ ихъ линіи визировація наша пѣхота выдвинулась впередъ. Что же имъ дѣлать: мѣнять прицѣлъ по своему усмотрѣнію, или же бѣжать съ докладомъ къ командиру батареи о замѣченномъ? И что предпринять командиру, выслушавъ этотъ докладъ? Отказаться отъ всего предпріятія?

Въ заключеніе замѣчу, что на войнѣ, какъ и вообще въ природѣ, есть нѣчто, спутывающее всѣ расчеты. Въ самый, казалось бы, непреложный планъ вдругъ вдвигается неожиданное условіе и все уравненіе событій пріобрѣтаетъ обратный характеръ.

Г. Мининъ.

